БИБЛИОТЕКА КЛУБА XL

Александр Товберг

АЛЬТЕР ЭХО

стихи 2016–2025 гг.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2026

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5
Т50

Товберг, А. Л.

Т50 Альтер Эхо : стихи 2016–2025 гг. / Александр Товберг ; [Литературный клуб XL]. — Санкт-Петербург, 2026. — 82 с. — (Б-ка Литературного клуба XL).

ISBN 978-5-00256-215-2

«Альтер эхо» — восьмая книга автора, в которую вошли стихи 2016–2025 гг. В первую часть включены тексты с подконтрольной территории, писавшиеся без надежды на публикацию. Вторую и последующие части можно охарактеризовать как отражение бегства из внутренней эмиграции. Осмысление и встраивание в новую жизнь, в новые реалии, неустанный поиск себя. Основная авторская задача, как творца, как мыслящего индивида — быть собой и не расчеловечиться в непростое время рушащегося на глазах мира.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-00256-215-2

© А. Товберг, текст, 2026
© А. Воропанов, оформление, 2026
© Литературный клуб XL, 2026

ИСКУССТВО ЗВУКОПИСИ В ЭПОХУ РЕЗОНАНСА

Что-то более важное, чем поэзия, доминирует в стихах Александра Товберга, что-то управляющее его жизнью, заостряющее его мысль, обнажающее его речь. Наверное, это судьба.

Родился в Донбассе, и это первый знак предопределённости предстоящих испытаний. Родной город Красноармейск не отличался литературной активностью, какая тогда искрила в Донецке, Мариуполе и Горловке, поэтому ему самому пришлось стать литературным центром.

Азы словесного искусства постигал в Донецком институте социального образования. Здесь ему повезло: научным руководителем оказался доцент Станислав Васильевич Медовников, один из ведущих представителей Донецкой филологической школы, но не как суровый теоретик литературы, а как оригинальный, остроумный и, может быть, единственный постоянный и по-настоящему взыскательный литературный критик на весь Донбасс.

Всегда трудно предугадать, как отзовётся слово учителя в сознании ученика. Тем более трудно представить, чему мог научить доцент Медовников, который иронически воспринимал всякое мудрёное наукоучение. Был традиционалист, почвенник, но не мог отказать себе в удовольствии пройтись на руках или постоять на голове в какомнибудь храме абсолютного знания. А ещё он был поэт-импровизатор, страстный театрал, галантный рыцарь, интересный собеседник. На своего ученика смотрел с надеждой.

В общем-то, ожидания наставника оправдались. Филология Александра Товберга такая же самородная и рассыпчатая, и стихи так же легко зажигаются от серных сторон бытия, и у него такая же эстетическая небрежность, за которой непреложность этического жеста.

Работа журналиста в провинциальном, хотя и промышленном, городке была серой зоной между жизнью и поэзией. Рабочий алгоритм и творческие ритмы едва ли совпадали, и этот разнобой проникал в стихи, становясь стилем. Из подручного материала слагались строки и складывался поэтический мир:

И некто подойдёт, печален
И отрешён от суеты,
Как мысль размытая, случаен,
И осторожен, как следы.

И он поведает, что вечна
Лишь мимолётность бытия…
Он так хотел предостеречь нас,
Но от чего – прослушал я…

(«Рассвет далек…». 1999).

Перешли из веры в веру –
Перешли из века в век –
Будни серы –
Ложь без меры –
Виртуальные химеры –
Всё химеры, человек.

(«Старость человечества». 2005).

Нужно было понять, чего стоят эти «стихотексты», и он сам стал их исследовать, превращая снова в материал. Извлекал движущие пружины, тянул, как провода, ассоциативные связи, раскапывал смыслы. Брал интервью у себя, комментировал свои стихи, стремился устранить все недоговорённости. Старался расставить все точки над ***ё***, забывая завет учителя, который говорил, что в хорошем стихотворении должно быть: сказанное, неск***á***занное и несказ***á***нное.

Недостаток несказанности компенсировал виртуозной словесной эквилибристикой, играя звуками («белая лебеда», «даты быта», «с усов сусальных сеется капель»), созвучиями («небосвод несвобод», «стать странником странным», «босиком в босячество»), слогами («словно сломаны», «скушная скудость», «брюхатые хаты», «горбится горизонт», «в холку холодный ствол»), звукосмыслами («увечный жид», «истукамни», «бес перспектив»), буквосмыслами («сосредот(т)оченное лезвие», «ю.Родина», «бо(м)жеский»), знаками («С☼лнцеВ●р☼н», «крес†ы»), значениями («убежать от торжищ и от торжеств», «человекозавр»)…

Не дожидаясь, что всё в его литературной судьбе сложится само собой, он становится сам для себя издателем и критиком. Сам издал несколько своих книжек в виде машинописных скрепок («Автопор-

трет», «Вражда», «Без солнца», «Ложь» и другие), сам их комментировал, когда книги выходили уже «официальные», как он их величал: «Косноязычество» (2005), «Znaки» (2007), «Точки над Ё» (2011), «Междутам_Междуздесь» (2013), «СолнцеВорон» (2018)…

Переживаемый исторический опыт не вмещался целиком в стихи, просился в прозу, а главное – нуждался в ответном слове. А когда рядом нет никого, кто может ответить или спросить, приходится изобретать диалогические формы.

* * *

Война не застала его врасплох. Он ее предчувствовал и предсказывал. Когда по всей Украине разносилось слово «Революция», он диагностировал это явление как болезнь, по латыни – «гражданская война»:

Размахиваю флагом белым –
Остановите сериал,
Означенный «Civile bellum»,
циррозен он и сер, и ал.

Но тени прыгают по кругу –
Безумием очерчен круг –
Опутан пламенем испуга –
Я становлюсь одним из пугал –
И никому ни враг, ни друг

(«Civile bellum». 2006).

Война на какое-то время прекратила словарные игры. Поэт словно чувствовал сопротивление слов, не желающих играть с ним. Он пытался понять, чего они хотят, его слова: правды? скорби? гибели всерьёз?

Война изменила его поэтическую оптику: приоткрыла историческую перспективу, добавила резкости и контрастности. Он почувствовал себя летописцем, находясь по-прежнему в серой зоне, только теперь уже не фигуральной, а фронтовой:

Летописец эпохи распада
Потерял свой игрушечный меч…

Бытие сгущалось, и он решился на исход. Поэзия не оставила его, продолжилась вместе с ним уже в других пространствах. Изменилось не только мироощущение, но и самоощущение. Переживаемое время осознавалось масштабнее, географичнее: вместо горячей точки «Краснопокровск» (поэтическая контаминация советского и послесоветского названий его родного города – «Красноармейск» + «Покровск») – светящиеся точки российских столиц – «Москва» и «Питер»:

Шёл я давеча по Питеру
На Неву ночную глядючи
На замёрзшую Неву
Экзистенциальным маючись
Вопрошал себя вопросами
Мол откель я тут возник

Новые «стихотексты» сложились в сборник с примечательным названием «Альтер эхо», указывающим на смену акцентов и доминант: «эго» трансформировалось в «эхо», сосредоточенность на себе разомкнулась вовне, на множество точечных наблюдений полувоенной жизни:

Человеку горько спится
Он уже который год
Едет едет по столице
А куда не разберёт

(«Человеку горько спится…»)

А им-то что? – они – ваятели –
Пошатываясь подшофе
Милы, столи́ки, обаятельны
Чисты как сто́лики в кафе

(«Не жалуйся кому тут жаловаться…)

Ради выгоды, ради прибыли
Нас заранее – всех – убили
Я сжимаю голову
Я хочу её удержать
Но вокруг всё страшнее, больнее, страньше
Мировой распрыгивается пожар

(«Начинает болеть голова…»)

Внутреннее пространство обрело черты структурности, разделилось на «территории» жизненного опыта, на ступени духовного восхождения – этакая авторская Чинкве-Терре:

(5) Территория памяти
(4) Территория каменной речи
(3) Территория поиска смысла
(2) Территория бегства
(1) Подконтрольная территория

Виртуальный критик материализовался, теперь авторские сентенции обретают конкретную адресацию. Соответственно, на предполагаемый вопрос о сущности его поэзии автор отвечает так:

Это поэзия катастрофического сознания, в котором мир предстаёт как руина. Язык, родная речь – суть поле боя за смыслы. Лирический герой, со всеми его оттенками – свидетель конца эпохи, становится антигероем. Он и наблюдатель-хронист («летописец эпохи распада»), и жертва системы («биомасса», «псевдогерой соцтруда»), и маргинал («бомж небытия», «беженец»)…

На возможные упрёки в чрезмерной мрачности даются корректные пояснения:

Нужно понимать, что авторская чёрная ирония, служа инструментом защиты от безумия, смещает акценты смыслов… За глубиной метафорического ряда, эмоциональной насыщенностью, смешением стилей бьётся постоянное ощущение тревоги, духоты существования под гнётом аморального государства. Мрачные образы не просто констатируют факты происходящего беспредела, с которым автор, как здравомыслящий человек, ни в коем разе не соглашается, сопротивляется всей и всяческой энтропии, но и бросает вызов.

У автора есть надежда, что он может что-то изменить?

Важный момент – не дать себя раздавить наползающей тьме.

Впрочем, необходимости в авторском пряморечии становится все меньше. Его стихи, прошедшие военную мобилизацию, фильтрацию и эксгумацию, обрели собственную, поэтическую прямоту, отвечающую на вопросы времени. Игры в классики остались в прошлом, классичность стала проступать в строках, которые не могли не проявиться, тревожные, как месседжи грозного грядущего, иноязыкие, как *мене, текел, упарсин*…

Я же вижу – что будет дальше
Я же помню – как было раньше
Я же слышу распад держав
(«Начинает болеть голова…»)

Как чуткий эхолот, поэт отзывается на невидимое и неслышимое. А иначе в чем его назначение? Отзываться на видимое и слышимое могут и непоэты.

«Тебе ж нет отзыва…» – сказал классик с горечью. Безответность современников и соотечественников – закономерна, и с этим нужно смириться. Такова участь поэта – потому что таково свойство поэзии. Но в этом заключено и парадоксальное утешение: если тебя не понимают, значит, есть вероятность, что ты действительно поэт.

А если ты действительно поэт, тогда для тебя от классика имеется ещё одно утешение: тебя все равно когда-нибудь поймут. Потому что невозможно представить время, когда на земле не останется ни одного поэта. Таково свойство поэзии – быть среди людей.

Александр Кораблёв
Горловка

ЛЕТОПИСЕЦ ЭПОХИ РАСПАДА
2017 – 2022. Подконтрольная территория

* * *

Что ты ноешь, друг мой ситцевый? –
Все позиции сданы.
Бог уходит в оппозицию
Из истории страны.
Сочиняй – чего захочешь сам,
Что придумаешь – твоё.
Тяготишься, тягомотишься
Заунывным бытиём.
А другого и не жди теперь –
Изловчиться да солгать.
Не родившемуся в Питере
Старый грезится Солхат.
По-татарски ли, по-гречески
Пару слов произнесёшь –
И измаешься, измечешься,
Что озвученное – ложь.
Замолчать бы, да неможется –
Слово зреет как нарыв.
От безбожества – к убожеству –
Вне затеянной игры.
Карта бита – всюду шулеры,
Где же истина, Платон?
И трезвонит снова зуммер мой.
Абонент на связи… Кто?...

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Февраль. А плакать-то и нечем.
«Чернила» выпиты вчера.
И немота берёт за плечи
И говорит, что, мол, пора.

Не уточняя – быть готовым
К чему, когда? Полунамёк –
Как полутень, как протослово,
Пчелою влипнувшее в мёд.

Свеча горела... догорела
И в плоской плошке оплыла.
В прорехах между сном и делом
Зудит та самая пчела.

И смыслы вновь переиначив,
В который раз взойдёт рассвет –
Над Переделкинскою дачей
Не снег, не смерть, но что-то сверх.

Поверх барьеров и привычек,
Одолевая страх и прах, –
Вопрос (посредственный, как спичка)
Прошепчешь: – Ах, какое нынче
Средневековье в головах?..

ECCE HOMO

Мозг помнит всё и потому стареет
Его воспоминания просты
В сосудах концентрируется время
Шумит в ушах пытаясь не остыть
Я помню всё и напрочь забываю
Конкретику поступков обнулив
И травмы наползают как трамваи
Иррадиальны как радикулит
Скрипит скелет песок перетирая
И ось земная как хребет хрустит
Се человек – нейрон между мирами
Забыл себя и цели не (д)постиг

* * *

Потерпеть бы ещё немного –
до рассвета до белизны
и оттают тогда дороги
уводящие от войны
долго строим да рушим скоро
убиваем ещё быстрей
обречённые разговоры
нарываются на расстрел
были люди а стали тати
ради призраков крутизны
ради крови корысти ради
и детей растим для войны
сколь терпеть нам вживаясь в ужас?..
не приходит рассвет никак
он давно нам уже не нужен
затерявшимся в сумерках…

ВРЕМЯ ОЛОФЕРНА

Часа наверно в два – наверно
А может в час – примерно в час
Приходит время Олоферна
И обезглавливает нас
Оно приходит незаметно
Как тихой сапой хронофаг
И ставит крестики – отметки
Пора мол подытожить фарс
И по библейским суеверьям
Или по кинговским – одно –
Юдифь прошепчет верно – верь мне! –
И примешь с радостью клинок

* * *

Хриплые хтонические речи
В автохтонном хлипком феврале
Заговором лечат и калечат
Хворым снегом веют по земле
И укрыв овраги и развилки
Схоронив замёрзшие тела
Некрещённых солнечной прививкой
Выдворяют от беды в бедлам
Стужею бесстыжей обесцветив
И людей и литерных божеств
Улетает перелётный ветер
Из обледенелых этих мест
Остаются костные сугробы
Хрящики и рёбра и хребты
Остаются жить анаэробы
В черепах холодных и пустых

АЛЬТЕР ЭХО

Тебе –
рождённому сиреневым апрелем
забывшему себя в хроноповороте
точнее – заблудившемуся напрочь
и потерявшему остатки смыслов –
говорю –
травмированному глушью
гуашных трав и акварельных снов
живущему – как будто понарошку –
напоминаю – вспоминать негоже
об этих травмах
слышимых в труженьи
размеренных пчелиных хороводов
пусть их укусы
присутствуют невидимо но внятно
во всех поступках выданного тела
тебе-то – что? – укутанному в кокон –
плыви – баюкайся – качайся
и обволакивайся запахом мелодий
теряйся в паттернах взаимопоглощений
и умиротворяйся где-то между –
в расщелинах безумия и бреда
неутомимо проходя по кромкам –
по узким граням между сном и явью
тебе – тому – который *там* остался
который *здесь* – как будто существует

я говорю –
лишь только сны теперь материальны
в свечении зеркальных отражений
ты – сновиденье снов своих
и эхо эх затерянных в потомках –
в потёмках пращуров – сомнамбул –
приматов не проросших в человеков
Тебе шепчу я мантру обновленья –
под обморочным шелестом сирени
под осыпающимся цветом света
в такой-то год кромешного застоя
попавшего в эпоху перемен –
останься – говорю я – будь собою –
сосудом мыслящим – наполненным
небесным прахом слов
и только так – двойник мой –
только так –
иначе –
не выжить нам в реальности абсурда

* * *

Сначала провокация – потом –
Деменция и судорожный смех.
Смертоубийство – если на поток –
Уже не грех.
Расходятся и сходятся враги,
Бьют по рукам – и вот уже без рук –
Без головы без глаза без ноги –
Не трус – так труп.
Война войной с войною на войне,
Кто виноват – да видимо никто –
Среди убитых проигравших нет –
Готов итог.

* * *

В твоей мобилке функция очистка
Мясиста и кустиста как очиток.
Макнись в неё – и станешь чистым-чистым,
Хрустящим свежестью, как свиток
Пустой-простой, готовый для писаний,
Для новых букв и черт, и очертаний.
Нажми на кнопку с удалью, сударик,
И удали того, кто не ударит,
Сотри их лица, фото, аватарки,
Вот этого сидящего на танке
С никнеймом «бог» и эту – на каталке,
Похожую на старую весталку,
Друзей и недругов – лужёных приближённых,
Тиктоком и фейсбуком* прокажённых.
На месте их – роскошная малина
Пускай растёт в растворе формалина,
Мать-матрица пусть плодоносит цифрой,
Инфой и формулой нерегулярных циклов.
Стирай, енот, никто тебя не тронет –
Ни Енох, ни вомбат, ни макаронник.
Всех бывших и отбывших, и бывалых –
Стирай на раз – вот и тебя не стало.

**Facebook запрещён в РФ, владелец — компания Meta, признанная экстремистской и запрещённая в России.*

* * *

Летописец эпохи распада
Потерял свой игрушечный меч.
А оно тебе надо ли? – надо –
Чью-то стадную старость стеречь?
Что заложено – то и вернётся –
Говори с человеком в упор –
Растеряется он, улыбнётся
И предложит тебе мухомор.
Ухвати его, друг, и не мешкай.
Мы – рождённые в мире грибов,
Все по сути грибы и, конечно,
Прочно спутаны в общий клубок.
Этот заговор длится и длится,
Бормочи свою повесть – пиши.
Что начертано – то и случится,
Кругозор расползается вширь
И готовит тебя к переменам,
Отбирая и память, и речь,
Но в гр(о)ибнице весёлой вселенной
Обретёшь свой игрушечный меч.

* * *

Сумрачно настолько, что неясно,
Как – теперь и что оно – потом.
Вот пришли слова бы не напрасно,
Защитили б прадедовский дом.
Кроме слов – чего ещё умею,
Разве что мозолить небеса
И летать в них беспилотным змеем,
Озирая прадедовский сад.
Если бы кабы – ещё чего там? –
Не уйти б из райских этих мест.
Кто же знает адовские квоты?
Не подскажешь, югославский бес?

* * *

А звёзды такие, что страшно
И радостно – ближе к концу
На небо ползёшь поэтажно,
И всё холоднее лицу.
Ледовый огонь проникает
В зрачки замерзающих глаз,
И мозг тверденеет как камень,
Хотелось бы думать – алмаз,
Но нечем – и падаешь в пропасть:
То в темень, то в плазменный свет.
И млечной галактики лопасть
Тебя пе-ре-ма-лы-ва-ет.

* * *

Не жалей о будущем не надо
Впрочем и о прошлом тоже не
Под громы всемирной канонады
Равнодушно смотришь – в вышине
Плавают не птицы и не рыбы
Но ракеты с красною икрой
Вот я был – а вот уже и выбыл
И пополнил занебесный строй

* * *

А что-то, а кто-то летает,
Гудит и мигает, следит,
Сбивается в тайную стаю,
Чтоб вынести общий вердикт,
И гонит волну паранойи,
И сны – и тревожны, и злы,
И тянет земным перегноем,
А эти – мурлы да курлы,
А эти – железные твари,
Ввергают сердца в неуют,
И не по-комарьи кошмарят,
И не по-вороньи клюют
Оставшихся нас – человечков,
Для них мы – добыча добыч –
Смешны и конечны, конечно,
Летите проклятые – кыш!

* * *

Белый лист серый свет синий пласт
Ты ползи по последнему снегу
По-пластунски подальше от плах
По степи перепаханной бегом
Сотен тысяч голодных подошв
Полоумных моральных подранков
И попавши под град ли под дождь
Пропитавшись живою бедой
Прорасти лебедой из-под танка

РЫБАРЬ ТАРАС

Культурный код расшифровать дано ли?
Вот бескультурный – матерный – на раз.
А крестик перечёркивает нолик,
И дед Тарас скрипуч, как тарантас.
Чего тебе, живущий на отшибе
Всего земного – рыба не клюёт?
Открой заслонку, размудохай шибер –
Черпай руками, набирай в кулёк,
Грузи мешками, бочками, тюками,
И вывези рыбёху, и продай,
Сопровождая сделку матюками
О корабле, которому узда.
Теперь не будет плавать по ставку он,
Да и подлодка вражья не всплывёт
В степях Юкрайны, в новых Каракумах.
Зови соседа, брата, свата, кума
И помяните ры́бячий народ.
Ну а потом присочини поэму,
Как плохо жить в омрияном раю,
Став символом, пародией ли, мемом
У ридной ойкумены на краю.

* * *

Живые помнят, мёртвым – всё равно,
Разбито лето мирным «искандером»,
Летит по небу крыша, и окно
Ей машет вслед обрывками фанеры.
Да, это осень, друг мой, до весны
Ещё недавно было недалече,
Теперь опять – мы разъединены
И видим сны о невозможной встрече,
Пытаясь жить – терпи и не канючь,
И от запоев до атак на сердце
К тебе придёт ожиданный каюк,
Как бог-Аллах приходит к иноверцу.

* * *

Кто хотел – тот ушёл понемногу
Постепенно в свою светотьму
Ну а мы всё пытаемся к богу
Напроситься – зачем мы ему?
Кислород объявил голоданье
Подступает большая зима
До свиданья, мой друг, до свиданья –
Кто-то шепчет, подняв автомат
И сквозь мат и помехи в сознаньи
Чья-то речь пробивается в слух
До свиданья, мой брат, до свиданья
Не поможет очерченный круг
И довольно подпитывать карму
Из последних усилий шутя
Бог войны объявил благодарность
За убийство плохого дитя
Пусть смущаются красные кхмеры
И грустят по плохим малышам
Чувство меры – оно безразмерно
А душа моя шалая – ша –
Отморозилась – временно что ли? –
До побачення, друг, до свида...
Алкоголик садится за столик
Тихо пить за героев труда

* * *

Приходит утро крепкое стальное
Холодным солнцем вспарывает плоть
Никто войну нигде не остановит
Ни вождь ни царь ни дьявол ни господь
Лежат тела в асфальте и бетоне
Стальное мясо точат черви ржи
Мир оказался шаток и картонен
Алчба и злоба рушат рубежи
И на полях и в городах сражений
Шакалят псы и взламывают тишь
Над новым поколеньем удобрений
Растёт спорыш

* * *

Чёрный смрад и слепая разруха
Оборона в бетонных тисках
Ни пера тебе, воин, ни пуха
Очевидно – найдёшь что искал
Исцеление павшим «героям» –
Дальнобойный осиновый крыж
Под которым – как крот обустроен –
Ты в обнимку с червями лежишь
Квадрокоптер летит над болотом
Яйца смерти в тебя отложить
Чтобы вышли личинки из плоти
Чтобы заново в матрице жить
Продолжать своё древнее тело
То ли – недо- то ль сверхчеловек…
Смелость павших очерчена мелом
Ужас выживших – кровь из-под век

* * *

Я пережил двадцатый век,
И мне не страшно.

Отец Дм. Трибушный

Я пережил двадцатый век –
Что изменилось?
Слаб человек, зол человек,
И счастье – мнимость.
Тебя пошлют – и ты идёшь,
Вот враг – убей же!
Кровавый дождь –
Прилипчив, дошл –
То синь, то бежев.
И бешен – страхом обуян –
Глаза навыкат –
Бежит украинский Іван
Во смерть как в выход.
В идею верит ли? Навряд…
В победу? В правду?
Воняет трупная заря…
Народ положенный зазря –
Чертей порадуй…
Удобрить землю во степи –
Костьми да мясом?
Стерпел? И смерть перетерпи –
Стань биомассой.

А раскатавшие тебя –
В бабле и злате
Заокеанского вождя –
Им счастья хватит…
Лежат останки по степи –
Ржавеют кровью…
Мне двадцать первый век-упырь –
Не брат, не кровник –
Он озверел и наступил
На горла с хрустом –
Очередной виток в тупик –
Во тьму без чувств…
Я пережил двадцатый век –
Зачем? На чёрта?!
Чтоб подтвердить, что человек –
Что в человеке человек
Навек зачёркнут!?...

НАША ТАНЯ

Напугает, вопьётся, отпустит –
Наша Таня не хнычет давно
И братишку не ищет в капусте,
Как бывало в советском кино.
Страх становится скверной привычкой
Без начала, средины, конца –
Кто зачтёт тебя Таня – тот вычтет,
Воду жизни слизавши с лица.
Братец Мишка с оторванной лапой
И осколком в пустой голове
Рядом с мамой лежит, рядом с папой,
Затаившись в кровавой траве.
Тот бычок, что доскою качался,
Там за лесом железом гремит
И героем слывёт у начальства
За войну с голубьми и детьми.
Вера в сказку, увы, убивает,
В доброй книжке финал будет зол –
Наша Таня уходит по краю
На рыдающей Агнии зов…

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ…

Ну вот и первое сентября – обряд
Нового года – древнего, как донбасский уголёк,
А этот мальчик, а эта девочка вряд
ли пойдут теперь в школу – ведь был прилёт.

Зато вот она/он приходит к Боженьке и
говорит:
Я маленькая деточка – мне шесть лет,
А ты, разве не был ребёнком, вот ты, старик,
Дозволяющий всё это сотворить –
Тебя что, нет?

Он отвечает: – Вы ещё глупенькие,
вы даже не люди,
Поэтому вам не дано понять,
Что здесь вы есть, а там вас уже не будет,
И кто мне заменит ангелов,
разлетевшихся от меня?

– Но мы-то не ангелы, –
девочки-мальчики говорят, –
Мы – просто дети, нам бы учиться,
родителей бы любить.
Там, внизу, наши мамы-папы горем гормя горят
От боли, что мы больше не можем быть.

– Вы поймите, – снова Боженька за своё, –
Там всем было плохо, а здесь у меня рай.

– Надоел ты, дедушка, со своим враньём,
Прощай!

И они возвращаются в разбитый класс,
А по развалинам бродит сторож – седой дедок,
Далеко не святой,
но чудом выживший Николай,
Для детей несомненно лучший,
чем мнимый Бог.

И он им радуется от души –
Вы живы-здоровы!? Так вот она –
божия благодать,
И я с божьей помощью тоже жив,
Так что, девочки-мальчики, малыши,
И школу с божьей помощью восстановим,
Нам что ли это внове?
Нам ли к плохому/хорошему привыкать!?

КАЧЕЛИ. РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Памяти мирных людей,
погибших от случайных прилётов

И пришли дети к бабушке на вече́рю.
За столом расселись вокруг еды.
За окном поскрипывали качели.
Зимний ветер рвался – вещун беды.

Зимний пёс дворовый пригрелся в будке.
Никуда не рвался – сопел, дремал.
В новогодний гомон скатились будни.
В канонаду празднеств вошла зима.

А ракета – сми́рна и бессловесна –
Ей что будни, что праздники – дар богов.
Приказали – надо зачистить местность
От врагов.

Младший божик, резво давя на кнопку,
Мимоходом вспомнил, что жизнь – игра,
И ракета, вздёрнув боеголовку,
Понесла многотонный заряд добра.

Старший божик с досады ругнулся, сплюнул –
В монитор вглядевшись, – идрить в качель!
Поздравляю с праздником вас, не в ту мы
Засандалили цель!

Собрались дети вместе, да так остались
В Рождестве за общим сидеть столом.
Изо всех жилищ, изо всех пристанищ,
Что ж – выходит, лучшее – отчий дом.

А война есть война – на неё и спишем.
Все ошибки – во имя благих забот.
И качели поскрипывают всё тише
В Новый год…

МАНДАРИНЫ НАД ГОРОДОМ

Донецк. Прилёт на Текстильщик 21.01.24

Мандарины над городом, мандарины –
Кто-то свыше устроил нам чудеса.
Добрый ангел, слышишь, заговори нас,
Забери уставших на небеса.

Видишь эту бабушку – мать Марину?
И отца Георгия иже с ней?..
Разгораются рыжие мандарины –
Значит, дело к ранней идёт весне.

И мужчину этого – внука, сына? –
Он за всё расплатился – да не дошёл.
В синих лужах – рыжие мандарины,
Ангел шепчет – всё будет хорошо.

И – того, и – вот этого – список длинный,
Неустанно пишу его и пишу.
Проплывают январские мандарины
По разрывам горя сквозь гарь и шум.

Погляди вон туда и сюда – безвинных
Забери – собак, стариков, детей
И котов, катающих мандарины,
Заставляющих вспомнить о доброте.

Мандарины над городом, мандарины –
Урожай отменный в Раю зимой.
Добрый ангел в небе аквамаринном
Собирает души, несёт домой.

БИОГРАФИЯ БЕЗ ПИСАТЕЛЯ
2023 – 2025. Территория бегства

* * *

От фанатизмов, -измов, -измов
Теряя зрение и слух
Я убегаю из отчизны
Перековав ярмо на плуг
Собак бы на меня навешать
Предать священному костру
Я из истории новейшей
Сбегаю в древнюю игру
В которой правила без правил
И без ветрил, и без руля
И небожитель станет крайним
До новосёла обнулясь
И сбросив отмершую шкуру
Без -измов, -измов некий шкет
Уходит в дальнюю фактуру
Возврата из которой нет

* * *

Остро пахнет бедой и разлукой
Посмотри в это зеркало дня
И войди в него тихо без стука –
За спиной бубенцы зазвенят

И забудутся были и боли
И отмщения аз не воздам
В новой роли уже ты не кролик
Не прораб домового труда

Сны смещаются – это надолго
Кочевая дорога кружит
По больницам, столицам и моргам
Гро́ши жизни стирая в гроши́

И гороху насыпав в галоши –
Принц на час и калиф не на год –
Ты подумай – бродяга – о прошлом
Вдруг оно в настоящем придёт

ПОБЕГ ЭПИГОНА

А вспомнить тебя – растравить тревожность.
Выбредешь в мир, а в миру – беда,
Не запьёшь, не закуришь, да и пирожным
Не заешь поминки памяти навсегда.

И будешь дрожать на ветру и думать –
Кто ты, что ты, зачем ты бежал сюда
От бойни-войны в толчею городского шума,
Растеряв свои тени по пройденным городам.

И опять вспоминать – а была ты, есть ты?
Будто сон – тоскливый, промозглый, злой.
Ангел местности, он же – и гений мести –
Эпигон – уж не я ли? – мифический Амфилох.

* * *

А когда мы уйдём от погони –
И врастём в мировую траву –
И над нами крылатые кони
Будто бы облака поплывут –
В этот миг между мраком и светом
Обретая свои небеса –
Бестелесны – читай беспредметны –
Испаримся мы словно роса –
И проявимся заново в мире –
В дивно новом – без страхов и злобств
И приимет нас ласковый ирий –
Где не надо ни букв и ни слов

* * *

Царствие словесное –
Братствие над бездною –
Ходится по краешку
Хочется домой бы
Мысленные камешки –
Злые бесполезные –
Копятся в обоймах
Экспоненциальные
Всё растут да ширятся
Параноидальный мир
С мерами не мирится
Ничего, что матерны
Хорошо, что плоски
Наплывают паттерны
Застывают в воске –
В царствии словесном –
В братствии над бездной

* * *

Золотые – незлые – сплошные –
Дни плывут, погрузившись в себя –
Незаметные и рядовые –
Не волнуя и не теребя
Ни тебя, ни ползущего рядом
Индивида похожей судьбы,
Запивающего виноградом
Настроение – в мире не быть.
Раствориться – уйти понемногу
В череду расслоившихся лет,
В разнотравье степей и в дорогу,
По которой движения нет.
Обездвижен, застывш, похоронен
Где-то между землёй и зимой,
И забыт, и потерян как ронин,
Среди родин – безмолвный комок.
Ничего не колышет, не душит,
Всё плохое проходит насквозь,
Угасающ, грядущим потушен,
Странник странный, мифический гость.

* * *

Ты где-то был, теперь нигде ты
Листаешь ленту просто так
Есть лето, только нет поэта
Запрятавшегося в кустах
Растительность настолько густо
Здесь колосится и цветёт
Что забивает напрочь чувство
Степных раздвинутых широт
И от щедрот такого толка
Раскрывши рот, пустив слюну
Ты отражаешься осколком
В пруду размерами с луну
И отражением всплывая
В запараллеленном миру
Двойник несущийся в трамвае
Переживая, прошивает
Твой неовеществлённый труп

* * *

Иногда меня вспоминают
Что-то спрашивают – тогда
Прорастаю я письменами –
Быстродвижными как вода
Ощущение обречённости
Обессмысленность бытия
Время смутное в воды чёрные
Окунает со-бы-тия
Заставляет вдруг на колени
Опускаться и с головой
Погружаться в пробелы, в тени
Бултыхаться, как поплавок
Ибо плавати не умея
Ни в сознании и ни без
Примитивен, как латимерия
И тщедушен, будто плебей
Отражению улыбавшийся –
Что за рожа – крива, коса
Деформирована как Прибалтика
Обнаружившая косяк –
Будто всё ж таки – выплываю
Кверху брюхом – с песка, со дна
И выбулькиваю письмена им –
Тем кто зря меня вспоминал

* * *

Там у нас – ледяной дождь
Здесь у нас – голубой снег
Это будто игра в сквош –
И конца у неё нет
Ударяешься лбом – бом
От стены отскочил – хрясь
Расстоянье – полёт – боль
Междутам-междуздесь – пасть
Над которой летишь – в тишь
И когда упадёшь – в дождь
То застынешь – уйдёшь в стиш
А потом – без помех – в снег
И останешься – там – здесь
В ледяной заключён шар
И уже навсегда – весь –
Отработаешь свой шанс.

* * *

Биография без писателя
Ходит-бродит по городам
По событиям – по касательной
То туда идёт то – сюда
То болеет она, то мечется
Зависает, как интернет
Просыпается в странной местности
Понимает – возврата нет
Что случится, а что – не сможется
На каких берегах пропасть?
Биография без возможностей
Превращается в плоский фарс

* * *

За закрытыми глазами –
Дом оставленный навеки
Память псиной увязалась –
Партизанит в человеке
Человек слезу пускает –
Хочет смыть остатки горя –
Удалить с видеокамер
Терриконовые горы
Терракотовое солнце
Над пожарищной равниной
В человеке остаётся
Только медленная мнимость
Только ноющая эта
Местность с выгоревшим домом –
Обезвоженное лето
В горле – комом насекомым
И елозит и когтится
Страхом к воплю продираясь –
Неодушевлённой птицей –
Драмой брошенного рая
Человек клокочет мукой –
Память в нём невыносима
И тогда он, что есть силы
Бьёт ногою эту псину
Эту псину, эту суку

* * *

И – солнца блеск на дне колодца
И – день – холодный и пустой
И – ничего не остаётся –
Как – наполняться пустотой
Греметь ведром о брусья сруба
Ошмёток солнца зачерпнуть
И – выплеснуть его на убыль
Дня, отошедшего ко сну

* * *

И последнее, что мне осталось,
Это сны – и роскошные сны!
Замурован по горло в усталость –
Отщепенец сбежавший с войны,
Из кромешного прошлого ада
В мегаполис земных бытовух –
Летописец эпохи распада –
Упакованный в солнечный звук.
От болячек – к разбавленным болям,
Выкарабкиваясь в никуда –
То безволен, а то своеволен –
Некий псевдогерой соцтруда.
Был никем, а останешься ником –
Аватаркой в бездонной сети,
Ни к себе, ни к другим не привыкнув,
Ни себя, ни других не простив.
Уходи, никого не тревожа –
Опускайся в глубины с вершин.
Что изменится? – да ничего же!
Может, внутренний цикл завершишь.

* * *

По болотам горе чавкает –
Беспросветное, как сны.
Лес наполнен горечавками,
По обочинам – то сныть,
То иные травы дикие,
Оступись – съедят живьём –
Чужеродец поелику ты –
Будешь спутан повиликою –
Безоружный ли, с ружьём.
В царстве трав – своя политика –
Не понять без ворожбы –
Оторви хвоща пол-листика –
И повалишься в грибы –
Поминай потом фамилию –
Днесь обретший угомон
Из твоей телесной гнили вон
Выползает мухомор
И окрест очами белыми
Обведя, твердит вердикт:
– С нами стал ты общим целым, брат,
Бурелома посреди

ТРАМВАЙ НА МЯСОКОМБИНАТ
2023 – 2025. Территория поиска смысла

* * *

Старички сидят на лавочке –
Курят, пьют и всё такое.
Им политика до лампочки –
Украина ли, биткоин.
Преют в прениях и в трениках
Про погоду и о бабочках,
Про своих аннокарениных –
Осовевших этих баб в очках.
Греет солнышко весеннее –
Виснет блинчиком ль, оладушком…
И бредёт склероз рассеянный,
И присаживается рядышком…

СЕРАФИМ

Бог везде – над нами и под нами,
Справа, слева – вообще вокруг.
Вон мужик валяется в канаве –
Тоже бог? А может – просто труп?
Он субъект, а может быть – объект он?
Полумёртв он или полужив?
Он лежит подобием объедка.
Может – вообще он не мужик?
Пробуй тронуть палкою его ты…
Шевельнулся, ну-тка поглядим…
Ты, случаем, не с Аэрофлота?
Не твоё валяется крыло-то?
Как зовут?.. Неужто, Серафим?..

* * *

Несомненно, будет лучше
На метро приедем в рай
И кондуктор – наш попутчик –
Несомненно, нам не враг
Но коллега и сообщник
Денег с нас не брал ничуть
Мы молчим, и он не ропщет
Впереди – ни чуд, ни чувств
Только дед навстречь выходит
То ли Пётр, то ли псих
Грит – чужие здесь не ходют
Рай – для тех кто на такси

ЦАРИЦА МАТЬРИЦА

Пепел, пепел на наши головы
Или это весенний снег?
Говорю отрешённым голосом –
Смерти нету и жизни нет.
Есть сплошная программ(ма ма)трица –
Незалежная нейросеть,
Где куриный бог и приматий царь
Репетируют псевдосмерть.
Это ясно без математики:
Все останутся навсегда –
Псевдодевочки, псевдомальчики
В напридуманных городах,
Обеспечив себе нетление,
Погружённые в симулякр,
Обессмыслены, как творения
Низведённые до нуля.
И протесты не дарят милостей –
Для шатающих строй глупцов.
Анонимности – это мнимости
С тиражированным лицом,
И никто никого не хватится –
Заблудившиеся в сетях –
Мы рассеемся в Мати Матрице,
В зацифрованных новостях.

ФОНАРИК ИЛЬИЧА

...Лампа в сердце перегорит.
.....
.....мне здорово
Улепётывать от врача
По туннелю, в конце которого
Светит Лампочка Ильича.

Андрей Сенов

А мне, мой друг, уже не светит
Уже не светит ничего
Вся лампочка перегорела
И ночь вплотную подошла
Нет, горло бритвою не бредит
Но вот – колёса без рецепта
И вот – чекушка спиртовая
И – человейный и гуманный
Век двадцать первый – мой этаж
А там внизу – Ильич встречает –
Стоит с фонариком и светит –
Все лампочки перегорели
Пойдём со мною – говорит

* * *

Человеку горько спится
Он уже который год
Едет, едет по столице
А куда – не разберёт
Он из дому вышел как-то
Сел в автобус по пути
В чувство ритма, в кокон такта
Влился и – прощай прости
Не контактен, аутичен
Он на птичек из окна
Смотрит и не видит птичек
Только вечности спина –
Словно древнего дракона
Переломанный хребет
Человек ушёл из дома
Человека дома нет

ДЕВОЧКА БУЛОЧКИНА

Девочка кушает булочку
Девочке хочется есть
Девочка будто из будущего
Как она оказалась здесь? –

В этом автобусе в этом времени
Одна пассажиров из?
Может – она беременная?
Кушать просит внутренний организм?

Девочка смачно поплямкивает
В окно посматривает в пейзаж
Всеми желваками и ямками
Перемалывает – заходится аж

Невольно так залюбуешься
А вдруг она скоро – мать?
В животе у неё побулькивает
За окном проплывает март

Девочка думает о высоком
Чем ей помочь, чего сказать?
Предлагаю мультивитаминного сока
Вижу насытившиеся глаза

Девочка уже дожевала булочку
Или то был большой батон?
Мощными челюстями перемолола будущее
Ответила – нет – и вышла вон

А я остался сидеть и ехать –
Будто без будущего – в пустоте –
Самопридуманным человеком
Впаянным в мультитекст

* * *

Трамвай идёт на мясокомбинат
Жиры и кости сонных пассажиров
Везёт он – удовольствием пузат –
Ночной вампир среди ампира
Садись в него – не жалуйся, но спи
Доедешь непременно до конечной –
В конце времён – в расхристанной степи –
Истерзанной, распятой, искалеченной
Из ночи – в ночь – ты выйдешь и поймёшь
Насколько независим от дистанций
И вообще – по видимому – прошл –
Трамвай ушёл – а ты в степи остался

БОМЖ НЕБЫТИЯ

2023 – 2025. Территория каменной речи

ПРЕДНОВОГОДНИЙ НАРРАТИВ

И грушки выходят из моды,
И яблочки, и конфетти,
И зрелость всползает на морду,
Высвечивая нарратив –

Фотоотпечаток трагизма –
За масками – маски подмен,
И рваные клочья харизмы
Не склеит ни клей, ни момент.

В сплошном наслоении будней
Ползёшь от простуд до простуд,
И время колышется студнем,
Качая гирлянд перестук.

Упущенных случаев прорва,
Словооборону прорвав,
Напомнит – застиран и прорван
Закон о мультяшных правах.

Уходишь из года. Из века
Мифический выветрен дух
Мечтающего человека,
И сказки к тебе не придут.

На соснах растут мандарины,
Искусственный запах свежит.
Святой Дед Мороз, подари нам
Билет на обратную жизнь.

* * *

Шёл я давеча по Питеру
На Неву ночную глядючи
На замёрзшую Неву
Экзистенциальным маючись
Вопрошал себя вопросами
Мол откель я тут возник
И доколе буду тут
Но река молчала мёртвая
Но река спала – ей по фигу
Был и я и бытие мое
И тогда с досады плюнул я
И пошёл себе пошёл
Волоча внутри сознание
Будто бомж небытия

КАМЕННАЯ ЗИМА

Долгая затяжная
Каменная зима
Странная как признание
К глухонемым домам
В том, что любить не любишь
Но продолжаешь жить –
В шаре, в квадрате, в кубе
Впадая в авторежим
Перемещаясь в лифтах
По этажам тревог
Будто уснувший Рихтер –
По клавишам – не живой –
Бесчувственный безразличный –
Безликий больной балбес
Полайкай меня, покликай
Останови мой бег –
Город дорог продрогших –
Шаг от кино в канал
Надо бы по-хорошему
Закончить полуфинал –
Сквозь надолбы – надо б, на л...
На лёд бы ступить и рыбой
В речке осоловеть
Город – ты выбор – Выборг –
Квёлый ловец словес
Был я в тебе – да выбыл –
Случаечный человек
Пробормочи на память
Что-то такое – чтоб
В храмовом хламе памяти
Остановить поток
Этих холодных пятен –
Сдвинь отголоски стен –
В халате в шестой палате –
Сам себе пациент

МИМОХОДОМ

Вот так проходит человек –
Какой-то мимоход –
Проходит мимо, говорит –
Привет тебе, привет
А ты его не знаешь – кто –
Ты думаешь – такой?
А он уже в тебе застрял
И ходит-ходит-хо…
За целый день истопчет всё
Там у тебя внутри
И вот домой ты с ним придёшь –
И – в зеркало, и в зер…
А это ты в себя глядишь –
Ну, здравствуй, чужеход!

* * *

Кто-то ходит, кто-то ходит
Из угла он ходит в угол
Что он ходит, что он ищет
Посреди пустой квартиры
Может – ищет пятый угол
В однокомнатном жилище
Может – ищет дверь он, выход
Но ключей всё не находит
Может быть – в окно –
Но там он – видит рыб
Летящих в небе

День проходит, ночь проходит
Так сменяются недели
Так и месяцы, и годы
Ходит кто-то этот, ходит
И никак не обессилит
Потому что это – я
Это я – хожу и маюсь
Будто маятник шатаюсь
В зарешёченной коробке
Из бетона и стекла

Я туда-сюда качаюсь
И жильцы не понимают –
Что такое происходит
Почему весь мир в движеньи
Почему их мир шатает
Знали бы они, что это –
Это я хожу-шатаю
Из туда в сюда шагаю
Из угла качаюсь в угол
И качаются основы –
Их основы бытия

ВСПОМИНАЯ ГУМИЛЁВА

Вот бреду я по льду и считаю –
Вспоминаю Серебряный век –
Раз-два-три, раз-два-три – и растаял
В серой дымке чудной человек

Раз-два-три – отливается пуля
И летит эта пуля туда –
Вдоль каналов, проспектов и улиц
По чужим, по своим городам

Смена вех поглощает детали
На Неве – на Каяле-реке
Исчезает натруженный ялик
Раз-два-три – в далеко-далеке

И когда пуля цель обнаружит –
Завершится бомжизненный трип –
Кто-то медленно свалится в лужу
И прошепчет – раз-два раз-два-три

* * *

Боль говорлива, говоряща –
Открылась там – закрылась тут
Джазмен, сыграем в чёрный ящик –
Осуществи мою мечту
Давай, дави на клапан сердца
И память музыкой пронзай
Пожалуй, дам тебе сестерций
За неожиданный бальзам
Пожалуй, жалости не имут
Живые к мёртвым никогда –
И плавится над третьим Римом
Огнеопасная звезда
И я плыву – больной и странный
Как будто боли больше нет –
Туда – где вечная звезда мне
Дарует свет

* * *

Эта память – плоха, нелепа
И рассыпчата будто хлеб
Пахнет падалью, пылью, склепом
Отравляешься этим хлебом
Сам становишься глуп, нелеп
Проедаем и червоточен
Порист, хрупок как скорлупа
И живёт в тебе древоточец
Приближающий твой распад
Истончающий оболочку
До предельных границ всего
Накопившегося, до точки
Обнажающей естество
И она – эта память – словно
Первородный экстракт души
Станет облаком-дымом-словом
Чтобы в мире вне тела жить

КАРТА БОЁВ ЗА ПАМЯТЬ
2024 – 2025. Территория памяти

* * *

Не понимают, кажется –
Что я хочу сказать –
Шпильки-бирюльки – кажимости
Трёп записных писак
Друзья-братаны-приятели
По цеху ли по гульне
Ваятели неприятия
Кто же вы наконец?
Расходные и расхожие
Вялые – в тишине
Проходите как прохожие
Кожаные – по мне
Прокрустово так похрустывая –
Урезать-усечь-ужать
Хармсово или прустово –
Не жаль ничего ужам
А мне-то чего жалеть их?
Бессовестно опсовев
Без брани в бронежилете
Отбрасываю советы
Куда-то – голов поверх
И остаюсь собою
С пустою обоймой фраз
Сливаюсь как тень с обоями
Уставш и условен словно
Непобедимым словом
В боях превозмог маразм

КУМИРЫ

Говорят – ну мы же актёры
Что с нас взять
Мы за себя не отвечаем
Это всё они виноваты – режиссёры
Вот с них и спрашивайте
Они нам приказывают –
Стой там иди сюда
А мы слушаемся
И вскидываем в приветствии руку
Зиг хайль –
Слава украине
Это же только кино
Правда же?
И эти мёртвые люди –
Всего лишь массовка
Не так ли?

* * *

Начинает болеть голова
И махать ушами
Начинают скатываться слова
Комковаться в шарик
Начинает не питься, не есться
От пустоты
Неизвестная мёрзлая местность
Почти пустырь
Наползает на карту боёв
За смысл, за память
Расширяется огненный окоём
Сжирает пламя
Генералов бормочущих о своём –
Их планы
Наступления на мировой океан
И в дальний космос
Говорит о многом и ни о чём
Например, закатать в компост нас
Малых сих – проще простого
Вогнать в войну
За империи, за престолы
За ресурсы мяса – и мы в плену
Где бы ни были
Кем бы себя не мнили
Ради выгоды, ради прибыли
Нас заранее – всех – убили

Я сжимаю голову
Я хочу её удержать
Но вокруг всё страшнее, больнее, страньше
Мировой распрыгивается пожар
Я же вижу – что будет дальше
Я же помню – как было раньше
Я же слышу распад держав
…Отпускаю – лети, лети же –
Круглая, полая – в пустоту
Без тебя будет легче выжить
Телу
Которого давно уже нет тут

* * *

Не жалуйся кому тут жаловаться
Надеешься – тебя поймут?
Зачем сюда ты припожаловал?
Артёмовск помнить ли, Бахмут?
Справлять по убиенным – тризну, да?
Себя корить – за что? – хэзэ
Разболтаным шататься призраком
Среди непризрачных мурзей?
А им-то что? – они – ваятели –
Пошатываясь подшофе
Милы, столи́ки, обаятельны
Чисты как сто́лики в кафе
Донецк не снится им, Авдеевка
Снобам столичным не видна
А ты скитаешься, надеешься
Вину войны испить до дна
Да вишь – она неисчерпаема
Глотай её или дави –
Не быть тебе донбасским паинькой
Поскольку Горловка кровит
И мучится Донецк израненный
И корчится КрасноПокровск –
Твоя бескрайняя окраина
Твоё Адамово ребро
Пинай, пеняй, на что надеешься?
Убогий беженец ли, бомж
Живёшь то с ангелом, то с демоном
Малюя бога на лубок?
Малюй, не плюй – живи – не жалуйся
Держи донбасский темпоритм
Зачем сюда ты припожаловал?
Средь кривды – правду говорить!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Камень твёрд и петербуржен,
Небо глубже, голубей…
Сытый бюргер бросил бургер
В стаю глупых голубей…
Он проездом – экскурсантом,
На курсантов он глядит…
Вечер тих и палисандров,
Неизбежен как вердикт…
Левым глазом бюргер вертит:
– Donnerwetter, – говорит, –
Человечек слаб и смертен,
Вечен только монолит…
Правым глазом бюргер шарит,
Обнаруживает смысл –
Словно шар над алкашами
Вьётся запах шаурмы…
Бюргер сыт, неозабочен,
Он приехал просто так…
Дело к ночи, он не хочет
Провоцировать контакт…
Вот уже на лавке дремлет
Бюргер – помыслами чист…
Снится милый дом в деревне,
Снится дедушка-нацист…

КРЫСОЛОВ

Путешествуя по империи
Он однажды придёт домой –
Там последние стали первыми
Каждый первый – живой и свой

И потухшие, негорючие –
Раскалились все добела –
Бесполезные стали лучшими
Без протекций и без бабла

Что за граждане? Жили, ждали тут –
Выползают из тайных нор
И побренькивая медалями –
Ненавидят его в упор

Поколение покалеченнных
Домотканных, как холст рубак…
Кто им? – ветреный человечишко
С мёртвой коркою на губах…

Ни к тому ни к другому вымыслу
Не пристанет – щепа щепой
И куда его время вынесло?
На какую из новых пойм?

Крысы нервничают – и верно ведь
Никудышен искусник слов
Ведь они теперь стали первыми –
И не нужен им крысолов

КОНСЕРВАЦИЯ

– А у меня там – на родинке малой моей –
черешни давно отошли
и абрикосы, и вишни осыпались
зато вот – персики, яблоки подспевают…
и рыжие груши, лиловые сливы…
соседка освоила этот, как его... гаджет –
да фотки прислала вот, видишь…
сейчас бы – варенье, компоты…
вот мы бы с женой расстарались…
виноград просто сказочный вызрел –
сейчас бы вино бы поставить…
и с прошлых годков урожайных –
надеюсь – в подвале притихло – хозяина
ждёт…
подвал-то пока хоть остался…

А я говорил ведь, я спервоначала долдонил –
нельзя консервировать, братцы, нельзя
иначе – кранты – так оно вот и вышло
а я теперь – кто я? – беглец или беженец –
без семьи и без крова, без сада…
с женой – что? – не надо, не будем о ней…

Но когда ж вы нас освободите, родные?
Всё – малой кровью да малыми жертвами,
а их – вон уже сколько…
среди вас, среди нас, среди всех
бестолковых
а те, кто затеял – вон – руки – сидят –
потирают

нет, этих не жалко, а сад – беспризорный –
душа за него осыпается, правда
червивею здесь я
себя ни к чему приложить не могу
всё думаю – жаль ведь –
если новый фашист разорит
чтоб он подавился, проклятый…

Да что вы, и наших ребят жутко жалко
потому говорю – побыстрей, поскорее б –
дожить очень хочется, братцы –
вернуться, увидеть – живых пригласить вас –
в мой разрушенный двор –
угостить добрым старым
созревшим вином из подвала…
помянуть всех погибших
и двух сыновей моих светлых –
полёгших за трудную эту победу…

АБРИКОСМОС

В мёртвом городе абрикосы
Расцветают – роняют цвет
Вновь природа находит способ
Доказательства – смерти нет
Над разрушенными домами –
Абрикосовый окоём
Дождь сыграет в бумагу, в камень,
В воду, в ножницы, в чернозём
Кто-то выползет из подвала
Одолеет костлявый страх
Средь разрухи, среди развала
Огородик садить пора
Да засмотрится – будто плача
Сквозь неплотную пелену –
Абрикосы цветут – удача –
Пережили-таки войну

Содержание

Александр Кораблёв. Искусство звукописи эпоху резонанса . . 3

ЛЕТОПИСЕЦ ЭПОХИ РАСПАДА
2017 – 2022. Подконтрольная территория

Что ты ноешь, друг мой ситцевый... 9
Февральское 10
Ecce Homo 11
Потерпеть бы ещё немного... 12
Время Олоферна 13
Хриплые хтонические речи... 14
Альтер эхо 15
Сначала провокация – потом.... 17
В твоей мобилке функция очистка... 18
Летописец эпохи распада... 19
Сумрачно настолько, что неясно... 20
А звёзды такие, что страшно... 21
Не жалей о будущем не надо.... 22
А что-то, а кто-то летает... 23
Белый лист серый свет синий пласт.... 24
Рыбарь Тарас 25
Живые помнят, мёртвым – всё равно... 26
Кто хотел – тот ушёл понемногу.... 27
Приходит утро крепкое стальное... 28
Чёрный смрад и слепая разруха... 29
Я пережил 20-й век... 30
Наша Таня 32
С Божьей помощью 33
Качели. Рождественское. 35
Мандарины над городом 37

БИОГРАФИЯ БЕЗ ПИСАТЕЛЯ
2023 – 2025. Территория бегства

От фанатизмов, -измов, -измов.... 38
Остро пахнет бедой и разлукой... 39
Побег эпигона 40
А когда мы уйдем от погони... 41
Царствие словесное... 42
Золотые – незлые – сплошные... 43
Ты где-то был, теперь нигде ты... 44
Иногда меня вспоминают.... 45
Там у нас – ледяной дождь... 46
Биография без писателя.... 47
За закрытыми глазами.... 48
И – солнца блеск на дне колодца... 49
И последнее, что мне осталось... 50
По болотам горе чавкает... 51

ТРАМВАЙ НА МЯСОКОМБИНАТ
2023 – 2025. Территория поиска смысла

Старички сидят на лавочке.... 52
Серафим 53
Несомненно, будет лучше... 54
Царица Матьрица 55
Фонарик Ильича 56
Человеку горько спится... 57
Девочка Булочкина 58
Трамвай идёт на мясокомбинат... 59

БОМЖ НЕБЫТИЯ
2023 – 2025. Территория каменной речи

Предновогодний нарратив 60
Шёл я давеча по Питеру.... 61
Каменная зима 62
Мимоходом 63
Кто-то ходит, кто-то ходит... 64
Вспоминая Гумилёва 65
Боль говорлива, говоряща... 66
Эта память – плоха, нелепа... 67

КАРТА БОЁВ ЗА ПАМЯТЬ
2024 – 2025. Территория памяти

Не понимают, кажется.... 68
Кумиры 69
Начинает болеть голова... 70
Не жалуйся кому тут жаловаться... 72
Ленинградская колыбельная 73
Крысолов 74
Консервация 75
Абрикосмос 77

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА XL
Президент клуба Евгений Антипов
Куратор клуба Александр Либуркин

Литературно-художественное издание

Александр Леонидович Товберг

АЛЬТЕР ЭХО

Стихи 2016–2025 гг.

Редактор *Юлия Медведева*
Фотография на обложке *Павел Чуприна*
Портрет на обложке *Александра Климова*
Дизайн и верстка *Алексей Воропанов*

Подписано в печать 17.03.2026. Формат 60 × 88 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 5,0. Тираж 200 экз. Печать офсетная.
Заказ № 043.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru